

Мария Омар

Румия

Zerde Publishing

Астана, 2025

УДК 821.512.122
ББК 84 (5Каз)
О-57

Литературный редактор ОКСАНА Ключинская

Омар М.

О-57 Румия / Мария Омар. — Астана : Zerde Publishing, 2025. — 480 с.

ISBN 978-601-82322-4-4

Румия, девочка с казахско-татарскими корнями, часто чувствует себя чужой — в собственном доме, в ауле дедушки, в студенческом общежитии. Чтобы найти своих, ей нужно повзрослеть и пройти через испытания дружбой, любовью и предательством.

Однако по-настоящему узнать себя и тех, кто рядом, Румие еще только предстоит. Ведь с материнством в ее сны и реальность проникает давний семейный страх, и призрак прошлого нашептывает то, о чем больше не говорят вслух.

Удастся ли Румие распутать тайны женщин ее рода и вернуть себе право свободно дышать и любить?

УДК 821.512.122
ББК 84 (5Каз)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-601-82322-4-4

© Омар М., 2025
© Оформление. Zerde Publishing, 2025

Все совпадения случайны

Верность предкам, ставшая
бессознательной или невидимой
(невидимая лояльность), правит нами.
Важно сделать ее видимой, осознать,
понять то, что нас заставляет, что нами
руководит, и в случае необходимости
поместить эту лояльность в новые
рамки, чтобы обрести свободу жить
своей жизнью.

*Анн Анселин Шутценбергер.
Синдром предков*

Часть I

Глава 1

Отъезд

1997, поселок П. под Актобе — Оренбург

Город Румиё всегда казался чужим. Как здесь одеваться, ходить, о чем уместно говорить, над чем смеяться?

Однажды, когда она была еще маленькой, с двумя рыжеватыми хвостиками, родители взяли ее к городским знакомым. Их сын, красивый мальчик с темными волосами, рисовал фломастерами. Заметив, что Румия на них смотрит, он сказал:

— Не трогай, у тебя на руки лягушки накакали!

Румия отдернула пальцы и представила, как берет темно-синюю пасту, которая когда-то вытекла из ручки в кармане папы, запачкав рубашку, и размазывает по чистому, белому лицу мальчика. А чтобы не услышать больше ничего обидного, убежала в другую комнату.

Мама говорила, Румию любит солнце. Хотя оно жжет ее бледную кожу и обсыпает в апреле противными конопушками. Повезло, что у нее они аккуратные, маленькие, будто наколоты иголкой. Вон у соседского Руса веснушки словно нарисованы кистью — макнули в оранжевую краску, и точки расплылись в пятнышки. А может, это и правда от лягушек. Рус, как и она, ловит их в камышах затона. Только тот пугает зеленопузыми квакушками девчонок или бросается ими вместо камней, а Румия нежно гладит скользкую влажную кожу и отпускает.

Сейчас ей семнадцать и у нее коса каштанового цвета — лишь отдельные пряди по-прежнему блестят медью на солнце. Румия едет в город поступать в институт в сопровождении своей тети Мадіны. Та будто родилась в городе, хоть и выросла в поселке со старшей сестрой Айсулұ — мамой Румии, атá — дедушкой Румии и абікой — ее бабушкой. У Мадіны кожа цвета топленого молока, длинные тонкие пальцы, которые умеют складываться в изысканные жесты, и крашенные

короткие светлые волосы. «Жемчужного оттенка», — добавляет она и запрещает обращаться к ней «апа́» и «тетя́». «Оры сияқты¹», — поджигает губы абика, когда Мадина нет рядом. Оглядывается и уважительно продолжает, переходя на русский: «Баба́й² не позволял обижать младшую дочь». При этом ее подбородок, с которого свисает кожа, как у большой важной жабы, едва заметно трясется. Амантая ата давно нет, но абика и сейчас боится, что он услышит.

— А мою маму тоже не позволял? — спрашивала Румия раньше.

— Иди, иди, не болтай тут, — ворчала абика.

Мадина перед отъездом осмотрела Румию с ног до головы: от черных туфель без каблучков до хвостика на макушке, стянутого резинкой, которую абика вырезала из велосипедной камеры.

— М-да... А нормальное есть что-нибудь на ноги? Кроссовки? Кто ж со спортивной туфли надевает?

Костюмом-жёванкой — ярко-голубыми штанами и олимпийкой — Румия гордится. Папа выменял его у заезжих коммерсантов на старый велосипед. Абика раз попыталась погладить брюки — вовремя Румия увидела и выключила уют. Кое-как объяснила, что ткань мягая специально: мода такая. Абика тогда недовольно покачала головой:

— И что, будешь ходить в неглаженном, как бишара́³?

Кроссовок, конечно, не было, и они поехали так: Румия в туфлях и костюме, ставшем вдруг тесным, Мадина — в платье и «лодочках».

Уезжали из дома абики, маленького и старого, с морщинами облупившейся краски на стенах, — он стоит через сарай от родительского, на другой улице. Абика в ночь перед отъездом, кажется, совсем не спала. Напекла пирогов с калиной,

¹ Как русская. — Здесь и далее приведен перевод с казахского языка, если не указано иное. — *Прим. ред.*

² Здесь: дед (*та́т.*); пожилые женщины иногда называют так своих мужей.

³ ...побирушка.

завернула в газету. Сварила манную кашу и остудила, чтобы она загустела. Румие нравится есть ее прямо из жестяной миски, холодную и чуть пригорелую. Обычно абики за это ругала и заставляла перекладывать кашу в тарелку. Но сегодня сама протянула миску.

Все утро она посматривала в окно и вздыхала. Потом сказала:

— Больше учить тебя уму-разуму некому!

Долго рылась в сундуке и вытащила новые, еще жесткие, накрахмаленные носовые платочки.

— На, пригодится.

И погладила ее по руке.

Ласку абики проявляла нечасто, и Румие захотелось ее обнять, но та приняла строгий вид:

— Где Мадина́ опять? Иди посмотри.

Румия вышла во двор, прошла по выложенной щебнем кривой дорожке мимо грядок с морковкой и раскудрявленным чесноком, старой печки, обмазанной глиной, и будки Жолбарыса. Тот выскочил и стал прыгать, натягивая цепь. Румия присела.

— Жолба-арсик! Я уезжаю. Не грусти, хорошо?

Он поставил лапы ей на плечи, облизнул нос.

За сараем раздалось покашливание.

— Вы здесь? Абики ждет.

Румия обошла сарай и увидела Мадину. Та машинально спрятала руку за спину.

— Да успеем, чего торопиться! Вечно за час всех построит. И сколько раз тебе говорить: обращай ко мне на «ты»! Посторожи от абики.

Она поднесла сигарету к губам. Румия встала так, чтобы видеть дорожку. Жолбарыс рвался с цепи и скулил.

Мадина затянулась, выпустила в воздух колечко дыма.

— А папка так и не пришел проводить?

Румия мотнула головой.

Докурив, Мадина запрятала бычок в трещине стены.

— Ладно, пошли!

У будки Румия снова погладила Жолбарыса. Абики стояла на крыльце:

— Где ходите?

— Мам, ну не наводи кипиш!

Абики с подозрением принялась.

— Мадина́, теперь ты за нее отвечаешь!

— Мам, ну сколько говорить, не Мадина́, а Мадина, так звучит современнее! Не беспокойся, присмотрю.

В доме сели на расстеленные на полу корпешки¹. Абики стала негромко и быстро читать молитву. Из потока непонятных слов Румия вылавливала знакомое с детства «Сирота мустахим², сирота мустахим, бисмилла». Почему в молитвах всегда говорят про сирот? Надо потом спросить. В конце абики перешла на казахский, назвала имена предков и пожелала доброго пути — ақ жол.

За забором ждала облезлая машина соседа дяди Бэрика. Румия села назад, рядом с его дочерью-студенткой. Со всех сторон их обложили сумками. Дядя Берик завел машину. Абики что-то сказала Мадине, та нетерпеливо отмахнулась.

Тут Румия увидела папу. Он торопливо шел, прихрамывая на правую ногу. Румия попыталась выйти, но помешали сумки. Папа через окно поздоровался за руку с дядей Бериком, открыл заднюю дверцу и заглянул внутрь. От него несло перегаром. Задержав дыхание, Румия чмокнула его в колючую щеку и улыбнулась.

Мадина стала усаживаться на переднее сиденье.

— Салют, Мадин! — сказал папа.

Она не ответила.

— Ой, забыл, — папа полез в карман поношенного пиджака, достал две смятые купюры, отдал Румие.

¹ Традиционный вид народного творчества у казахов (көрпе); покрывала на пол, нары или скамьи. Корпешки шьют из разноцветных лоскутов и набивают шерстью или другими материалами.

² Путь, ведущий к Всевышнему... (*искаж.* от «Сиратал Мустахим»); слова из мусульманской молитвы, которые ничего общего со словом «сирота» не имеют.

Потом притянул к себе и поцеловал в лоб. Ей захотелось плакать, но она опять улыбнулась.

— Пап, ты ко мне приедешь?

— Конечно, Румчик!

Он потрепал ее по волосам и отошел. Следом в салон просунулась абика. Она что-то шептала — Румия не расслышала, только видела, что глаза у нее влажные.

— Долгие проводы — лишние слезы, — сказала Мадина. — Всё, всё, не на войну едем. Мам, давай!

Дверь закрылась. Машина чихнула, запыхтела и поехала.

В дороге Румию мутило: так было всегда, когда она нервничала. Пару раз пришлось останавливаться. Она присаживалась на край дороги, мыла ладони и лицо водой из пластиковой бутылки. Через три часа прошли пограничные проверки: одну с казахстанской стороны, вторую — с российской. Румия заполнила миграционный листок на улице возле будки, неудобно скорчившись и положив его на рюкзак: вписала свои данные, подчеркнула цель въезда — «учеба». Люди в форме проверили автомобиль и сумки, поставили штампы на документы и впустили их в Россию.

На трассе дядя Берик пристроился за КАМАЗом:

— Скоро ГАИ, увидят казахстанские номера — докопаются.

Пост пророскочили без остановки.

К обеду въехали в Оренбург. В окнах мелькали серые пятиэтажки, промбазы, кричащие яркими цветами вывески «Трикотаж оптом», «Все для дома», «Свежая рыба».

Когда проезжали через Урал, Мадина обернулась:

— Здесь мост обычный, а в центре — роскошный. Это как раз недалеко от института! Студенты в Зауральную рощу бегают на физкультуру.

За рекой чаще стали встречаться новые девятиэтажки.

— Иномарок меньше, чем у нас, — заметил дядя Берик, когда встали на светофоре.

Мадина хмыкнула:

— Зато культурно водят!

Включился зеленый свет, и не успела машина тронуться, как сзади стали сигналить. Дядя Берик усмехнулся, дернулся и поехал.

Вскоре они остановились у серого здания с высокими колоннами.

— Драмтеатр! — с гордостью сказала Мадина. — Я тебя потом туда свожу.

— Дальше сами. По Советской ездить нельзя, — объявил дядя Берик.

— Это как же мы сумки потащим? — возмутилась Мадина, но тут же сделала голос мягче. — Берик, поможешь?

Дядя Берик, кряхтя, вытащил две тяжелые сумки и пошел вперед. Румия схватила рюкзак, Мадина перекинула маленькую сумочку через плечо. Миновав квартал, они перешли по пустой дороге к высокому желтому зданию педагогического университета.

Дядя Берик поставил сумки.

— Давайте! Удачи, Румия!

— Спасибо! — сказала она, отряхивая штаны.

Он сплюнул на асфальт и вразвалочку пошел к машине.

Мадина поморщилась:

— Хорошо, что никто из знакомых не увидел меня с этим колхозником! Мда-а, — она посмотрела на потрепанные сумки и перевела взгляд на туфли Румии. — Надо было, конечно, сначала тебя переодеть и завезти вещи домой, но так полдня потеряем. Ладно, жди здесь, пойду узнаю, что там да как.

Румия села на здоровенную сумку, набитую книжками и продуктами. Высокие деревянные двери университета то и дело хлопали, выпуская студентов. Интереснее всего было смотреть на девушек — как на подбор высоких и стройных, в летящих юбках-брюках, обтягивающих джинсах, коротеньких юбочках. Румия в своем спортивном костюме и туфлях почувствовала себя как скотник дядя Салимжан, забредший однажды в валенках и малахае на Новый год в сельский клуб. Ноги ее затекли, спина взмокла, но снять олимпийку было еще хуже: футболка под ней была

с нарисованными утятами; сколько ни пыталась ее выбросить, абики не разрешила.

Наконец вышла Мадина.

— Ну, теперь ты практически абитуриентка! Завтра начнут заявления принимать. Поговорила с одним человеком, возьмут без проблем, — сказала она. — На иняз не получится, туда конкурс большой: победители олимпиад, выпускники спецшкол, блатные... А вот на химбио пока недобор. Но экзамены нужно сдать минимум на четыре: все же своих они будут брать в первую очередь, казахстанских — потом.

Она обмахнулась рекламной листовкой. Химия не была любимым предметом Румии, биология нравилась больше.

— Чего задумалась? — спросила Мадина. — Не бойся, мы тоже не лыком шиты! Ты же у нас умненькая, медалисткой стала бы, если б не Галина Мухтаровна! Ладно, поехали.

Мадина огляделась по сторонам, поправила блузку и подошла к невзрачного вида мужчине в очках:

— Добрый день, молодой человек! Не поможете донести вещи до остановки?

Мужчина удивленно потер переносицу и быстро заморгал. Пока он не опомнился, Мадина вручила ему сумки. Он нес, она тараторила рядом:

— А говорят, люди тут равнодушные! Я вот сразу вижу, кто так себе, а у кого добрая душа! Вы, случайно, не преподавателем работаете?

Их спутник молча потел и иногда тяжело вздыхал. Когда он затащил багаж в автобус, Мадина кокетливо вытерла ему лоб платком и что-то шепнула. Мужчина вышел, помахал с улицы, она послала воздушный поцелуй и звонко рассмеялась:

— Мечтай, мечтай, дорогой!

Ее изящная квартира так же странно смотрелась в обшарпанной пятиэтажке, как сама Мадина в ауле, когда, приподняв подол и выбирая, куда поставить ногу, шла в уличный туалет через скотный двор, где на каждом шагу попадались кучки куриного помета.

Румию она заселила в комнату своей дочери Жанель, уехавшей учиться в Питер. Здесь стояли застеленная ярко-розовым пушистым покрывалом кровать, письменный стол-книжка и старый комод с железными ручками. Окно выходило в пустынный двор, где бродил мальчик, время от времени бросая мяч в баскетбольную корзину.

В первый день ели то, что привезли от абики: беяши, айран, огурцы с помидорами. Во второй приготовили борщ. Румия помогла нарезать капусту и зелень.

— Нам это на неделю! В городе горячее варят только по выходным, в остальные дни некогда, — Мадина попробовала бульон и добавила соли. — И вообще, за фигурой надо следить! Ты-то у нас худенькая, а в моем возрасте, — она втянула живот, — полнеют даже от воздуха.

Румия оглядела стройную фигуру тети, пытаюсь увидеть хоть один изъян. Ей хотелось быть такой же красивой и так же легко заговаривать с любым прохожим. Во время прогулок она смотрела в окна зданий и пыталась вышагивать, гордо неся свое тело, как Мадина, которая без конца поучала:

«Румия, не шаркай ногами!»

«Не прыгай через канаву, обойди по дорожке».

«Не “кушать”, а “есть”!»

«Боже, Руми, ну что за привычка показывать пальцем, ты не в ауле!»

За следующую неделю она сшила Румие плиссированную юбку до колен и голубую блузку. Отвела в парикмахерскую, чтобы сделать короткую модную стрижку. Румие с новой прической было не очень комфортно, но Мадина знала лучше. Интересно, что сказала бы Айка?

Подруга Айка решила учиться в Актобе на повара.

— Колледж! — узнав об этом, усмехнулась Мадина. — ПТУ есть ПТУ. Придумали же! Раньше мы вообще говорили «каблуха»¹.

¹ Слово распространено в Самарской и Оренбургской областях, происходит, предположительно, от сокращения «КОБЛ» — «Куйбышевское областное (управление профтехобразования)».

При этом ей нравилось, что пединститут переименовали в университет.

Мадина помогала Румие во всем: оплатила подготовительные курсы, приносила на тарелке яблоки, когда та сидела над книгами, гоняла ее по таблице Менделеева, учила определять, с какой одеждой какую обувь носить и как не пропускать нужную остановку.

На первый экзамен, по химии, поехали на троллейбусе. Румия повторяла про себя формулы, Мадина без умолку говорила, и впервые в жизни пришлось ее перебить:

— Можно потише?

Мадина удивленно посмотрела на нее, совсем по-абикиному поджав губы. Стало неловко, и Румию затошнило.

— Я повторяла формулы, — виновато сказала она.

— Ничего, это нервы, — Мадина сняла с ее блузки пушинку. — Ты все знаешь лучше других!

От этих слов скрутило желудок.

Приехали рано, но перед кабинетом, где шел экзамен, уже толпился народ.

— Кто в первую пятерку? — выкрикнул бойкий темно-волосый парень. Он запомнился еще с курсов, потому что задавал много вопросов.

Четыре человека набралось сразу, потом все замолчали.

Мадина сжала Румие руку.

— Иди! Ни пуха!

— К черту! — пролепетала та и вызвалась пятой.

Через порог шагнула с правой ноги. В школе она сдала все экзамены легко, почти не волнуясь. Но тут медленно подошла к столу, еле переставляя ставшие вдруг тяжелыми ноги, осторожно взяла билет.

— На вас лица нет! — сказала женщина из комиссии, похожая на актрису из фильмов 60-х годов: с высокой прической и тонкой черной подводкой, протянувшей за уголки глаз. — Все нормально?

Румия кивнула. Учителя в их школе никогда не называли учеников на «вы».

— Мне сегодня больше обмороков не нужно! Тяните!

Румия прочитала вопросы.

— Можно сразу ответить?

— Пожалуйста.

Через пять минут женщина прервала ее:

— Достаточно.

Она что-то написала на листке и протянула. У Румии подкосились ноги, захотелось присесть.

— Воду? — спросила женщина.

Румия кивнула, едва отпила из протянутого стакана и вышла в коридор.

— Ну что, строгие? Валят? Что получила? — раздалось со всех сторон.

Румия дрожащими руками развернула листок. Буквы прыгали, и она никак не могла понять, где оценка. Мадина забрала у нее бумагу, быстро пробежала глазами и просияла: — «Отлично»! Умница!

По толпе прошел восхищенный вздох.

На биологии Румия волновалась меньше и сдала ее тоже на «пять». Третьим значился диктант по русскому — по нему она впервые в жизни получила «четыре», в сомнениях поставив запятую не там.

Мадина первой углядела в списках поступивших фамилию «Сеитова»:

— Румия, золотце! Абика будет гордиться! Всем расскажу, что моя племянница учится в университете. Наши гены!

Тем же вечером Румия написала письмо:

Привет из Оренбурга, моя милая Айка!

Можешь меня поздравить, я поступила!

Хотела приехать домой до учебы, но абика сказала не тратить деньги. Пока буду жить у тети Мадины. А ты как? На дискотеки ходишь? Кого видела из наших?

Пиши.

Твоя Румия